звезда соц сети

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ

ЗАПИСКИ ТРАНСФУЗИОЛОГА

история о крови, людях
и врачебных решениях

Звезда соцсети (АСТ)

Андрей Звонков

Записки трансфузиолога. История о крови, людях и врачебных решениях

«Издательство АСТ»
2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звонков А.

Записки трансфузиолога. История о крови, людях и врачебных решениях / А. Звонков — «Издательство АСТ», 2026 — (Звезда соцсети (АСТ))

ISBN 978-5-17-191801-9

Георгия Гарина не должно было быть. Но жизнь — упрямая штука: рожденный вопреки планам Судьбы, он становится врачом вопреки воле отца… и попадает в самое сердце медицины девяностых. Переливание крови, плазмаферез, инактивация патогенов, спасение больных от ампутации ног и беременных от выкидышей — за каждой процедурой стоят непростые решения тайн крови. Гарин спорит с коллегами и ищет ответы: почему иммунитет восстает против собственного организма, как кровь спасает и почему убивает, где проходит граница между практикой и экспериментом? Судьба мотает его от частной московской клиники до военного госпиталя в Моздоке, от израильских стажировок до полевых операционных — он ищет ответы, которые могут изменить всю службу крови в России. «Записки трансфузиолога»: история героя прошедшего времени о крови, людях и врачебных решениях» — это роман о враче, который не боится задавать вопросы. О загадках крови, которые она не прощает тем, кто относится легкомысленно к ней как лекарству. И о стране, где даже спасение жизни становится выбором. А еще это портрет целой эпохи: от советской медицины до частных клиник девяностых.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191801-9

© Звонков А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть 1 7
Глава 1 7
Глава 2 16
Глава 3 20
Глава 4 22
Глава 5 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Андрей Звонков
Записки трансфузиолога
История о крови, людях и врачебных решениях

© Звонков А., текст
© ООО «Издательство АСТ», оформление

* * *

Русский человек свободным себя чувствует только в окопе.
Н. С. Михалков, к/ф «12»

Часть 1
Никогда не зарекайтесь

Глава 1
Жора

Георгия Александровича Гарина быть не должно. Вообще.

Он, как запланированный житель Земли, не был записан в книге Судьбы на возможное рождение и дальнейшую жизнь. Его появление на свет с самого начала характеризовалось лишь двумя словами: вопреки и благодаря. Вопреки планам Судьбы и благодаря появившимся в арсенале медиков середины шестидесятых технологиям очищения крови у беременных[1]. Опытный теолог может возразить: если все по воле Создателя, то появление этих самых технологий, благодаря которым Жора все-таки родился, не случайно. Значит, совсем не вопреки. Может быть, и так. А может быть, и нет. Методика очищения крови хоть и подарила шанс на вынашивание многим женщинам, но стопроцентной гарантии не давала, так что вожжи все равно остались в руках Судьбы.

«Если долго мучиться, что-нибудь получится» – пела немного позже Алла Пугачева. Очевидно, желание родить у мамы Жоры было настолько велико, что Судьба, пребывая, видимо, в хорошем настроении, пожалела несчастную женщину, махнула рукой: «Ладно, Бог с вами, делайте что хотите, раз уж так вам неймется, да еще эти медики чего-то там открыли. Если повезет – рожайте».

После пяти лет попыток, в шестьдесят пятом году, вопреки природе, считавшей, что брак родителей Жоры должен быть бесплодным, как-то разобравшись в механизме невынашивания беременности, учеными был наконец открыт возможный метод, как обойти резус-конфликт, а заодно и недостаточность плаценты и еще массы всяких прочих физиологических условий. Благодаря этому Мария Рудольфовна Гарина, урожденная Беккер, выносила и родила единственного ребенка – сына Жору. Врачи не стали рисковать, дожидаясь естественных родов, а пошли на кесарево сечение чуть раньше срока и извлекли внепланового человека. Так что потом, когда Жору заинтересовал вопрос своего появления, мама честно рассказала: «Врачи достали из живота». И даже показала аккуратный шов, там, где обычно у людей след от резинки трусов. «Вот тут разрезали и достали».

Добившись своего, родители решили больше не испытывать Судьбу, а, мысленно поблагодарив ее за такой подарок, дальше жили в радости, воспитывая единственного наследника. Судьба, увидав сонную розовую тушку Жоры в руках врача-акушера, погрозила ему пальцем и, наверное, сказала: «Хорошо, пусть живет этот внеплановый человек. Посмотрим, что из него получится. Но теперь так вся его сознательная жизнь будет или иначе связана с кровью, и ему предстоит мучиться над ее тайнами». Странное заявление? На первый взгляд – да. Но только на первый. Без крови жизни нет, но вряд ли мы обычно думаем о крови, интересуемся ею, понимаем, как мы зависим от нее и ее качества. Судьба решила, что Жора должен думать. Она выбрала ему профессию на всю жизнь вопреки его мечте, раз уж он родился вопреки ее планам.

---

[1] Резус-конфликт – ситуация, когда у матери резус-отрицательная кровь, а у отца и плода – положительная. К моменту родов в организме матери накапливаются антирезусные антитела-иммуноглобулины, которые уничтожают клетки крови плода и приводят к его гибели до родов или в первые сутки после родов. В шестидесятых таких детей спасали с помощью полной замены крови. В настоящее время применяют специальные антирезусные вакцины, которые вводятся матери до родов и после. *(Здесь и далее прим. автора.)*

Нянечка в родблоке, пеленавшая Жору, проговорила: «Кесарята обычно умненькие получаются». Новорожденный Жора, конечно, об этом не мог знать, но на пятнадцатой минуте своей жизни получил полное заменное переливание крови, то есть из него буквально выкачали всю его кровь и тут же влили такой же объем донорской. Сделано это было с одной целью – удалить из организма максимальное количество антирезусных иммуноглобулинов-антител, пришедших из организма матери, чтобы те не разрушили кровь Жоры и не убили его таким образом. Нянечка в послеродовом отделении, приняв Жору и прочитав заключение о полной замене его крови, резюмировала: «Если выживет – дурачок будет». Откуда младший медперсонал роддомов набрался этих сакральных знаний, Судьба понять не могла, но мнение учла. И сделала Жору самым обычным гражданином СССР. Среднестатистическим.

В три года Жора впервые в сознательном возрасте сдал кровь в детской поликлинике, с интересом наблюдая за действиями медсестры. Он стоял перед молодой женщиной, которая попросила его дать палец для взятия крови на анализ. Мальчик насупился и спросил:

– Это больно?

– Немного, – честно ответила сестра, – но потерпеть можно. Ты ведь мужчина?

Жора кивнул: конечно, мужчина, и, протянув руку, сказал:

– Только тифонечко-тифонечко, акунатно-акунатно. Холошо?

– Хорошо, – пообещала медсестра, улыбнувшись такой отваге, и мастерски кольнула в подушечку пальца. – Давай сам теперь дави, мне нужно всего четыре капельки.

Успокоившись, Жорик принялся давить палец.

Одну рубиновую каплю медсестра размазала по маленькому стеклышку[2], другую всосала в трубку и поставила в обойму рядом с другими трубками, где кровь почему-то стала коричневой, а третью тоже набрала в тонкую размеченную трубочку[3] и вставила в другую обойму. Еще одну каплю она разместила на толстом стекле.

Жорик сопел, следил за действиями сестры и потом спросил:

– А зачем это?

– Вот это, – медсестра показала тонкое стеклышко, – посмотрит врач и узнает, из чего состоит твоя кровь. Вот в этом, – она подняла стекло потолще[4], – он посчитает, какие в твоей крови живут клетки и сколько их там. – Она показала на две обоймы: – А вот тут мы узнаем, много ли в твоей крови гемоглобина и нет ли у тебя какой-нибудь болезни.

– Какой? – спросил Жорик. – Я не болею.

Слово «гемоглобин» он не понял, но запомнил, чтобы как-нибудь спросить у мамы или деда, что это такое.

– Вообще болезни, спрятавшейся в твоем организме, – ответила медсестра. – Болезни есть явные, а есть секретные, – вот тут можно узнать, есть такая у тебя или нет.

– олошо, – кивнул серьезный Жорик. – Вы тогда маме скажите, если найдете.

По пути домой он спросил маму:

– Ма, а что такое геогоблин?

Мама не поняла.

– Я не знаю такого, а откуда ты это взял?

Жорик пояснил:

– Медсестла сказала, что в клови живет геогоблин.

– Может быть, гемоглобин?

– Да.

---

[2] Мазок крови под окраску, для осмотра внешнего вида клеток крови – морфологии.

[3] Капилляр с кровью показывает скорость оседания эритроцитов – СОЭ, неспецифический показатель состояния иммунной системы и наличия воспалительного процесса.

[4] Камера Горяева, в которой в те годы вручную производился подсчет различных клеток в микролитре крови, создавалась «формула крови».

– Я не знаю, какое-то вещество в крови важное. Ты бы ее спросил.

Жорик засопел. Он подумал, что если все знают, что это такое, то и он должен был знать. Маму спросить не стыдно, а медсестра подумала бы, что он дурак, потому что не знает то, что знают все. А выходит, что мама тоже не знает, и теперь спрашивать у чужих людей не стыдно.

Про гоблинов Жора узнал от деда Рудольфа, который ему пересказывал сказку Макдональда «Принцесса и гоблин», попутно обучая английскому языку. Поэтому Жорик автоматически подменил непонятный гемоглобин на более-менее понятного геогоблина.

В школе он спокойно дрался до первой крови по уговору, не понимая, чем это она так пугает его сверстников. Какая разница, первая она или вторая? Дед учил его: драться надо, пока противник не запросит пощады, и никогда не прощать обидчика, если тот сам не просит прощения. Кровь его никак не волновала: не пугала, не вызывала ни отвращения, ни радости. Огорчало только, что потом приходилось рубашку отстирывать от ржавых пятен. Впрочем, драться Жора не любил и, чтобы избегать драк, в пятом классе записался в секцию карате.

В девятом классе Жора нашел среди маминых бумаг самиздатовскую брошюрку с необычным названием, на которую поначалу подумал, что это записки извращенца-мазохиста: «Я полюбил страдание». Оказалось, что это автобиография уникального и легендарного человека – лауреата Сталинской премии, профессора хирургии, архиепископа, священника Войно-Ясенецкого Валентина Феликсовича, родившегося в конце XIX века, знаменитого врача-хирурга, получившего премию в 1946 году за книгу «Очерки гнойной хирургии». Автобиография поразила Жору. Он не сомневался в ее искренности, но, весьма неплохо зная историю и понимая, через какие жернова прошел профессор, осознавал, насколько отважен он был и стоек в своей вере, если в разгар борьбы с религией, во время гражданской войны, не поступившись принципами, принял решение стать священником, а затем и епископом. Это был Поступок, который изменил всю жизнь известного врача. Поступок, достойный подражания. Не чтобы тоже стать непременно священником, а чтобы ничего не бояться, если уверен в правильности выбора. Так Жора Гарин, думавший над тем, кем стать, неожиданно для семьи и особенно для отца-юриста, выбрал профессию врача.

Воспитанием его занимались мама и дед, отец – известный адвокат в четвертом поколении юристов – работал и в процесс формирования личности Жоры не вмешивался, уверенный, что наследник непременно пойдет по его стопам. Поэтому выбор Жоры его очень удивил и немного расстроил. Переубедить сына ему не удалось.

Если мама активно и старательно окультуривала Жору, обучая музыке, игре на гитаре, водя по музеям и филармониям, то дед – инженер-мостостроитель – с семи лет забирал Жору с собой в командировку на все лето и, гоняя свой поезд с лабораторией МПС СССР по железным дорогам, чтобы изучать надежность мостов, учил мальчика английскому языку, а также стрелять, драться, водить большой черный паровоз с забавным именем «ОВечка», управляться с коротковолновой радиостанцией, через которую связывался с паровозной бригадой, и вообще наслаждаться жизнью и просторами огромной страны.

От мамы – искусствоведа – Жоре досталась прекрасная память, довольно привлекательная внешность, неплохое знание французского языка и свободное владение английским, а также изрядное чувство юмора, развитое дедом, – американцем по происхождению, приехавшему в СССР в 1928 году по приглашению правительства.

Дед не захотел уезжать обратно в США, когда в тридцать пятом закончился его контракт, а продолжил строить мосты, женился, родил двух дочерей и во время войны дослужился до звания полковника. После гибели жены и старшей дочери в сорок пятом от американской бомбы[5] он, больше не женившись, всецело отдался воспитанию младшей – Марии. Он немного

[5] Во время Великой отечественной войны, уже на территориях, освобождаемых от нацистов, союзники из армии США и Британии бомбили «случайно» уже освобожденные Советской армией территории, потом извиняясь за «ошибку». Так они

поймал период репрессий в пятьдесят третьем, угодив по доносу в Бутырку, но был оправдан, отсидев чуть больше полугода. Ему вернули ордена и личное наградное оружие. Потом была государственная премия, подарки от министра путей сообщения в виде квартиры в сталинке и машины Газ-М20 «Победа», в которую дед Руди через друзей в НАМИ воткнул мотор от «Мерседеса W–100» и подвеску от «Ситроен DS». С рождения имея луженый корпус, машина деда стала почти вечной. Как ветеран ВОВ дед получил разрешение на бетонный гараж во дворе сталинки.

Именно благодаря деду Жора рос настоящим молодым строителем коммунизма, участвуя в делах класса и школы: собирал макулатуру и металлолом, пел в школьном хоре или сам под гитару, освоил вождение дедовой «Победы» с четырнадцати лет, вместе с ним ездил в подмосковную военную часть, где учился стрелять из всего, что стреляло, а также посещал секцию карате «Вадо-рю», которая арендовала вечерами школьный спортзал. Дед оплачивал Жоре и секцию, и экипировку, и все необходимые зачеты для получения новых поясов – до восемьдесят первого года, когда карате в СССР повсеместно запретили.

Одноклассницы по Жоре «сохли», но еще с детского сада под мудрым руководством деда он научился держать дистанцию с противоположным полом, тем самым привлекая к себе внимание девочек еще больше. В подростковом возрасте, до окончания школы, он два раза сильно влюблялся. Впервые – в тринадцать лет, в дочку начальника спецпоезда, в который входила лаборатория деда. Девочка тоже проводила летние каникулы, разъезжая по стране, и Жора ей очень понравился. После окончания каникул они созванивались, пока Жорин отец не получил счет за ночные сопения сына в телефон и не потребовал перейти на почтовую связь. Жора регулярно отправлял подруге письма раз в неделю и также получал ответы. Переписка длилась до следующего лета, когда возлюбленную вместо ожидаемой поездки на спецпоезде вдруг отправили в деревню к бабушке под Красноярск. Народная мудрость гласит: «С глаз долой, из сердца вон», то есть любовь проверяется разлукой. Испытание жесткое, один из влюбленных может его не выдержать. И однажды Жора получил от девочки письмо, что она встретила другого мальчика и теперь любит его. Как говорится: «Прошла та детская любовь, завяли помидоры». Родители и дед успокоили Жору, объяснив, что еще Бомарше дал определение «О, женщина – имя тебе „Непостоянство“!» И к неверности женщин надо относиться философски, но это не оправдывает предательства вообще. Жизнь, как и женщины в мире, на этом не заканчиваются. Исчезла эта подруга, появится другая.

Дед пошутил на тему популярной в шестидесятых финской песенки «Рула-тэ»:

В жизни всему уделяется место,
рядом с добром уживается зло.
Если к другому уходит невеста,
то неизвестно, кому повезло?

Так что в этой драматической истории кровь оставалась только на кулаках Жоры, который снимал пережитый стресс на тренировках. Судьба не вмешивалась до поступления парня в мединститут. Все текло своим чередом. Семья жила спокойно и в целом счастливо.

Жора не прощал предательства и теперь к любым знакам внимания от девушек относился скептически: лучше не заводить подруг, чем потом разочаровываться. «Любовь – это дело неизбежное, – говорил дед, – если она нагрянет, ты ничего не сможешь сделать. Но если можешь устоять перед женскими чарами – значит, это не та женщина». Мудрость деда подтвердилась. В восемьдесят первом году, когда Жоре исполнилось шестнадцать, в его секции

снесли фактически города Дрезден и Лейпциг, зная, что те отойдут под контроль СССР. (описано в романе К. Воннегута «Бойня № 5»).

появилась Наташа Яковлева, тренирующаяся сама и тренирующая других спортсменов такому виду борьбы как Айкидо. Жора не влюбился, как он был уверен, а подружился с девушкой, ходил с ней в патрули добровольной народной дружины вечерами и платонически любил ее, наслаждаясь исключительно общением. Довольствуясь прикосновениями лишь во время тренировок. К решительным действиям перешла сама Наташа. Когда Жора заканчивал десятый класс, она вроде бы случайно встретила его у школы после уроков и, не стесняясь, пошла домой к нему в гости, чему Жора был несказанно рад. Впрочем, его радовали все встречи с Наташей. И он не мечтал ни о чем таком… В тот день он стал мужчиной. Жора не спрашивал себя: «Почему она решилась?» Он наконец узнал то, о чем втайне мечтал, как и большинство подростков. Жора немного разочаровался, убедившись, что обретенный опыт не совсем фонтаны рая, но был счастлив от одной мысли, что это наконец произошло, и мечтал повторять с Наташей еще столько раз, сколько будет возможно. Он ощутил себя мужчиной. То радужное чувство восторга наконец сформировалось в страсть и влечение и дополнило дружбу и жертвенность. Если Наташа согласится, то он непременно женится на ней, когда ему исполнится восемнадцать, а это уже совсем скоро, в следующем году. Жора был уверен, что любовь, о которой говорил дед, которая описана в книгах, наконец настала. Он крутил в голове песню на стихи Роберта Рождественского «Как много лет во мне любовь спала…» и даже напевал ее, наигрывая на гитаре, когда оставался один дома. Признаваться в своем чувстве родным Жора не спешил. Он ждал новой встречи с любимой…

Примерно тогда же, весной восемьдесят второго, Жору вызвали в райком комсомола, где невзрачная личность – офицер-вербовщик в компании со вторым секретарем райкома – предложила ему подать документы в спецшколу КГБ. Жора вежливо отказался, сообщив, что уже выбрал специальность врача и о военной карьере не думал и не хочет думать. Он не стал сообщать, что со времен поездок с дедом по железным дорогам и посещения военной части в Подмосковье не испытывал симпатии к военной службе. Хотя, если родине будет нужно его призвать, пойдет служить без колебаний. Вербовщик не стал настаивать, а второй секретарь попытался и нарвался на упрямое Жорино «нет». Он рассказал об этом разговоре только деду, хотя и обещал вербовщику сохранить все в тайне. Дед упрекнул Жору: «Раз обещал, надо было держать слово, никому, значит, никому!»

Еще одним качеством Жоры, которое ему доставляло немало проблем, оказалась неспособность врать. Он это не любил, не хотел и не делал, порой создавая себе проблемы в общении с другими людьми и особенно с начальством. Учительница как-то пожаловалась родителям на прямолинейность Жоры. Те не знали, как объяснить сыну, что надо быть гибче с людьми, правда может ранить и весьма болезненно, а дед сказал: «Я читал у Конфуция такую фразу: „Правда, сказанная без церемониала, – хамство“. Подумай над этим и, если тебе придется людям говорить правдивые, но неприятные вещи, найди приятную форму, чтобы не ранить их душевного равновесия. Вообще, на этот случай пригодится такая наука, как дипломатия. Иногда стоит и промолчать. Научись говорить молча».

Через два дня после потери невинности Жора от тренера узнал, что Наташа Яковлева погибла от рук каких-то хулиганов, возвращаясь с работы. Ей было всего двадцать лет. Жора ходил на похороны, видел закрытый гроб, где лежало искалеченное изуродованное тело его первой любимой женщины. Как он сдерживался? Ответа не было, все происходящее было как бы не с ним и не с Наташей. Он просто не верил. На поминках он пить не стал, сказал, что для него Наташа останется живой – словно уехала куда-то, просто уехала… по делам. Так бывает. Он бежал домой, не замечая слез, и повторял про себя первую строфу стихотворения Симонова: «Неправда, друг не умирает, он рядом быть перестает…» Мыслей о суициде не возникало. Психика Жоры нашла способ сохранить здравомыслие. Смерть Наташи он воспринимал как сон, как и день их близости, и ее гибкое спортивное тело в его руках, ее дыхание… Все это был только сон. И похороны – сон. Да, Жора мечтал, и мечта ему приснилась, а любовь

его вынуждена была уехать так далеко, что оттуда ни позвонить, ни написать. Так было легче жить, легче вспоминать и жить надеждой на встречу когда-нибудь.

Потом было поступление в институт и бурная веселая студенческая жизнь, богатый выбор женских тел, любовь без обязательств и даже примитивная шутливая мудрость: «Секс – не повод для знакомства!» К окончанию института Жора прошел военную кафедру и получил военно-учетную специальность «Врач сухопутных и ракетных войск». Во время прохождения летней практики между пятым и шестым курсами в НИИ им. Склифосовского не удержался и рассорился с заведующим кафедрой по поводу эфирного наркоза, фанатом которого оказался старый профессор. Так Жоре обломилась интернатура и ординатура на кафедре, и пришлось искать, где учиться по специальности в другом месте, в одной из городских больниц.

С третьего по пятый курс Жора подрабатывал фельдшером на скорой, и Судьба ему напомнила о его связи с кровью, причем недвусмысленно. Дело было так. Однажды во время ночного дежурства на подстанцию, расположенную во дворе роддома, примчался врач-анестезиолог и сообщил, что в родблоке от кровопотери умирает роженица, нужны доноры. Группа крови Жоры подошла, и он с другими добровольцами отправился сдавать кровь. Для спасения женщины приехало больше ста человек: милиции, пожарных, медиков с других подстанций. Собрали около сорока литров и не спасли. Через неделю Жора случайно встретился с тем анестезиологом. Тот стоял на автобусной остановке, курил, узнал Жору и на вопрос, почему умерла женщина, ведь крови было больше чем достаточно, ответил:

– Развился ДВС-синдром[6]. Со слизистых течет, а в крупных сосудах тромбы. Все навыворот. Мы вливаем, а из нее выливается… Чего-то мы еще не знаем, не понимаем… Давай, парень, оканчивай институт, займись переливанием и раскрой загадку свертывания крови. Одна надежда на тебя, – пошутил он, выбрасывая недокуренную сигарету под колесо автобуса.

«Ни за что! – подумал Жора. – Не дай бог мне связаться с переливанием крови! Это удел врачей-лаборантов! Это работа для аптеки и медсестер! Я хочу стать врачом реаниматологом!» Судьба таких зароков не прощает. Она смеется над такими заявлениями и обещаниями.

К окончанию института Жора Гарин добрался вполне состоявшимся молодым человеком. В совершенстве владел английским и весьма сносно французским, а если б захотел, мог бы освоить еще испанский и немецкий, благодаря унаследованной от матери и деда памяти и способности к языкам. Виртуозно играл на гитаре и неплохо на фортепьяно, обладал приятным баритоном и музыкальным слухом, а благодаря деду освоил широкий репертуар военных песен и романсов. Он водил легковые и грузовые автомобили, с детства знал, как заставить двигаться паровоз, немного разбирался в радиосвязи и очень хорошо стрелял из всего ручного и автоматического оружия. При наличии в холодильнике полуфабрикатов и овощей умел готовить вполне сносно, чтобы не остаться голодным. В институте участвовал в работе студенческого научного общества и даже получил третье место на конкурсе научных работ за серию экспериментов на кафедре физиологии. Занимаясь с одиннадцати лет карате, Жора достиг первого дана, то есть имел черный пояс в школе Вадо-рю, который физически получить не успел из-за тотального запрета в СССР этого вида борьбы.

После субординатуры по анестезиологии и реанимации, получив пендель от завкафедрой за то, что спорил, Жора с дипломом врача по специальности «Лечебное дело» приехал домой к праздничному столу, где его ждали мама с папой и любимый дед Руди, которому уже шел девяностый год.

На пендель Жора не обиделся, решив, что в Москве всегда найдется больница с кафедрой, где он пройдет хотя бы интернатуру по выбранной специальности. В весьма радужном

[6] Спонтанное нарушение свертывания крови при массивных кровопотерях характеризуется образованием тромбов в крупных сосудах и распространенным капиллярным кровотечением со слизистых оболочек. Бывает острым и хроническим. С девяностых годов XX века врачи научились бороться с этим явлением.

настроении Жора приехал домой. Его встретили тушем на пианино в исполнении мамы. Дед вручил ключи от «Победы», права ответственного квартиросъемщика на трехкомнатную квартиру в сталинке и права на гараж во дворе дома. Все это в виде нотариально заверенных документов дед вручил Жоре вместе с потертым кожаным портфелем. Они опрыскали диплом коньяком, поздравили Жору – нового врача, после чего дед умер. Прямо за столом, на полуслове. Он уронил рюмку с водкой и повалился. Жора его реанимировал до приезда бригады скорой помощи, попытался оживить адреналином в сердце и дефибриллятором, который – о, чудо! – оказался у бригады в исправном состоянии. Ничего не помогло. Дед умер.

Шел восемьдесят девятый год. Разгар перестройки и кооперативного движения. Впереди всех ждали финансовые реформы министра Павлова, референдум о сохранении СССР, ГКЧП в августе девяносто первого и развал страны в результате сговора трех удельных князьков – президентов России, Украины и Беларуси – в декабре того же года. Страна, в которой родился Жора Гарин и которой принес присягу, получая военный билет, исчезла, а точнее преобразовалась в Российскую Федерацию, потеряв пятую часть прежней территории.

Жора Гарин был завидным женихом. Ему шел двадцать пятый год. Он был не богат, но и не беден, талантлив и энергичен. У него была машина и квартира. Мама мечтала его женить, для чего подыскивала невест у знакомых и подруг в сфере искусствоведения. Она теребила папу, который был занят созданием своей конторы, чтобы знакомил сына с приличными девицами. Однако Жоре никто не подходил, а на вопросы мамы: «Ну, какая же тебе нужна жена?» – отвечал цитатой из дневника Анны Тимиревой[7], который он нашел у мамы на столе в виде машинописной рукописи: «Красивая и надежная! Чтобы, когда я буду воевать, стояла за спиной и подавала патроны! Мне нужна жена – друг, единомышленник и соратник!» Таких среди знакомых мамы не находилось. Все ее кандидатки мечтали о Жоре в роли «костюма», потому что однажды он услышал о себе: «Красивый молодой человек, с ним не стыдно выйти на пляж». Вот этого Жора терпеть не мог. О чем и высказался весьма откровенно, как думал, вспомнив мудрость от деда: «Правда, сказанная без церемониала, – хамство». Жора решил действовать хирургически и в тот раз, и впредь. Резать к чертовой матери! А для ощущения полноты жизни ему вполне хватало знакомых медичек – врачей и сестричек. Их на дедовой «Победе» можно было отвезти на пустеющую семейную дачу под Наро-Фоминском, где под треск поленьев в печи и завывания ветра в трубе, под классическую музыку на музыкальном центре «Телефункен», коньяк и шампанское провести романтический вечер с ужином, переходящим в завтрак. И зачем ему жена?

Похоронив и оплакав деда, Жора поехал в Главное управление здравоохранения Москвы, в отдел интернатуры, где получил направление на кафедру в Измайловскую больницу. Интернатуру пройти нужно, тем более что обязательное распределение отменили, и все выпускники теперь могли сами найти себе рабочее место. Оказалось, что это непросто. Куда хочешь – хрен получишь! А куда надо – не наездишься! Хоть квартиру снимай на другом краю Москвы! С интернатурой Жора считал, что ему повезло. Ехать недолго – что на машине, что обычным транспортом, – больница огромная, построенные в семидесятые годы белые семиэтажные корпуса на окраине Измайловского парка. Однако, когда он пришел с документами в кадры, его расстроили – штат отделения реанимации забит. Замглавврача по терапии утешил: «Есть ставка реаниматолога в блоке интенсивной терапии кардиологического отделения. Там, правда, работают терапевты, но вот новенький приказ, всех их надо будет перевести с этого года на ставку реаниматологов, там есть местечко. Пойдете?» А что ж не пойти? Так Жора познакомился, а затем и подружился с Марком Эмильевичем Бардиным. Марк фактически руководил блоком, работая в инфарктном отделении уже пять лет, и БИТ был его детищем. Увлеченный до фанатизма кардиологией, Марк сумел заразить этим и других врачей, Жора тоже попал под

[7] Любовница адмирала Н. В. Колчака.

его влияние. Поэтому, когда в конце девяностого года Жора сдал выпускной экзамен по специальности «Анестезиология и реанимация», он мечтал найти место в кардиологии.

За год в медицине Москвы и крупных городов произошло немыслимое. Объявленная КПСС новая экономическая политика перестройки привела к созданию многочисленных медицинских кооперативов и оттоку врачей из государственных больниц. Реаниматологи массово стали уходить в наркологические кооперативы, к стоматологам и в гинекологические шарашки, зарабатывая на абортах под наркозом в десятки раз больше, чем в обычном отделении на обычных операциях. Дипломированного анестезиолога и реаниматолога, а в душе кардиолога, Жору везде принимали только для работы в отделение реанимации. Он был в отчаянии. Чтобы не потерять профессию, Жора устроился на скорую линейным врачом, продолжая методично обходить городские больницы в поисках места кардиолога в БИТ. Кадровики стояли на смерть, пугая Жору кошмарным КРУ[8], которое будет страшно карать, если при проверке обнаружит дефицитного анестезиолога на ставке совсем не дефицитного терапевта! Приказ, который позволил Жоре год поучиться у Марка, так толком и не заработал, – его затерли чиновники. Денег для повышенной ставки врачам БИТ не было, поэтому никто не спешил переводить кардиологов-терапевтов на ставку реаниматологов.

Павловская реформа обворовала граждан, изъяв из оборота сотенные и полусотенные купюры. Из-за опущенных цен начала набирать обороты инфляция. Оставшиеся деньги стремительно дешевели. Магазины пустели, на рынках товары также стремительно дорожали. Исчезал сахар, мясо, колбасы, оставался хлеб… Начались перебои с бензином даже для скорой и милиции. К счастью, «Победа» была всеядна и ездила на всем, кроме солярки и керосина. Когда Жора не мог ее заправить бензином, заливал появившийся в ларьках спирт «Рояль» вперемешку с ацетоном. К счастью, такая пытка для мотора продлилась недолго.

Жора дежурил на ставку, его заработанных денег хватало в обрез, правительство тем самым подталкивало людей к развитию частного бизнеса. Суды были завалены гражданскими делами. Поэтому частный адвокат Гарин-старший процветал. Он купил себе и маме квартиру в Крылатском, оставив Жору в его трехкомнатной сталинке, а чтобы сын не зарос в грязи, через свою контору нанял ему домработницу Валю, женщину средних лет, которая убиралась, готовила, закупала продукты и, при необходимости, могла пожить какое-то время у Жоры.

Перевалив четвертьвековой рубеж, он так и не нашел себе достойной спутницы жизни. Жора неплохо разбирался в психологии и быстро вычислял психотипы девушек, надеющихся завоевать его сердце и собственность. К счастью, планка, оставленная в его сознании Наташей Яковлевой, была слишком высока. Таких Жора больше не встречал, а других не хотел. Все девушки располагались на его личной шкале шалавости от Офелии до Кшесинской, и не было среди них ни одной «Яковлевой» – девушки-воина, женственной и решительной, с духом монумента Родина-мать.

Отец, зная о мечте сына стать кардиологом, однажды заехал к нему вечером. Посидели, поговорили. Служба на «скорой» Жору утомляла и не радовала, в отличие от многих коллег, а желание стать кардиологом сидело подобно раскаленной игле. Но время шло, а ставок не появлялось. Во всех больницах администрации, словно сговорившись, стояли насмерть: «Анестезиолог? Вот идите, Георгий Александрович, работать по специальности! А то, что вы – недоделанный кардиолог БИТ, не считается!»

Отец выложил перед Жорой визитную карточку с золотым тиснением.

– Позвони этому человеку.

[8] В советское и постсоветское время – контрольно-ревизионное управление минфина, следящее за целевым расходованием бюджета.

Жора прочитал: «Бланк Антон Семенович. Генеральный директор малого медицинского предприятия „КиЛ“, кандидат медицинских наук». Телефоны – служебный, домашний, факс. Адрес, в котором Жора узнал большую клиническую больницу на юге Москвы.

– Он возьмет меня кардиологом?

– Сомневаюсь, – честно ответил отец. – «КиЛ» создан год назад, но за это время оброс уже четырьмя отделениями. Там молодая команда врачей, но главное – это то, что у них мощный спонсор, вкладывающий лично в Бланка и его будущий медцентр гигантские деньги. Я осуществляю юридическую поддержку и владею небольшой долей акций в будущем медцентре. Так что Бланк о тебе знает и готов принять. Позвони. Он очень энергичный и обаятельный человек.

– А кто он по специальности? – решил разузнать поподробнее Жора.

– По-моему, проктолог, если я не ошибаюсь, но в горбольнице руководит терапевтическим отделением. На его базе он и создал свой «КиЛ». Они там пару палат арендуют для платных больных и операционные, а оборудование получили уже свое. Мне известно, что Бланк сейчас ищет дом в городе, чтобы там развернуть свой центр. Думаю, найдет.

– Тогда какой мне смысл с ним связываться?

– Хотя бы выслушай его. Я не знаю, что он тебе предложит. Может быть, пока ту же ставку анестезиолога? А когда обстоятельства позволят, ты там займешься кардиологией. Почему нет?

Не то чтобы Жора загорелся идей переходить к Бланку. Просто его уже начала раздражать работа на скорой: сутки, вызовы, бессонные ночи, мизерная, несмотря на надбавки, зарплата. Подрабатывать выездным наркологом, как взялись многие коллеги, откапывать запойных состоятельных граждан он не хотел. Да, это заработок и весьма неплохой, но что-то внутри не позволяло опуститься до такого вида заработка, как и наняться анестезиологом в какой-нибудь платный абортарий. Жора оставался в душе советским человеком, который никак не мог принять новую экономическую реальность. Не таким он видел свое будущее в качестве врача. Но съездить к Бланку и поговорить он согласился. Отчего нет? От него не убудет. Время есть. Вдруг что-то интересное предложит этот Антон Семенович. Проктолог. Для России делать все через задницу – характерная особенность. Может быть, он так и кардиологом станет?

Глава 2
Учитель Мидас

Антон Семенович Бланк в жизни Георгия Гарина исполнил роль руки Судьбы. Настолько важную, что крайне необходимо рассказать о нем подробнее. Его родители, Семен Исаакович Бланк и Фрида Ааароновна Шмерлинг, родились на территории нынешней Украины до революции, которую мы привыкли называть Великой Октябрьской. И Семен, и Фрида были врачами, что для их семей стало настоящим прорывом. Потому что дед Антона Семеновича по отцовской линии, Исаак Бланк, обшивал весь штетл (местечко) Тульчин и его окрестности, а дед по материнской линии, Аарон Шмерлинг, лечил зубы жителей штетла Гайсин, так как получил медицинское образование и стал дантистом. Оба штетла из Винницкой губернии.

Семен и Фрида в разные годы окончили Винницкую гимназию с золотыми медалями. Золотая медаль была необходимым условием для поступления еврейского чада в любой российский университет. Студенты Киевского медицинского факультета Бланк и Шмерлинг окончили учебу с дипломами лекаря с отличием в годы революции: терапевт Семен в Февральскую, а Фрида выпустилась уже после Октябрьского переворота, специализируясь по акушерству и гинекологии. Им обоим повезло практически сразу уехать по распределению вглубь России, и они таким образом избежали знакомства с паном Петлюрой и его гайдуками, которые рубили шашками всех, кто им хоть чем-то напоминал жидов. Сема и Фрида их напоминали очень сильно, но, к счастью, были в это время далеко от Киева, мобилизованные врачами в Красную армию. В передвижном санитарном госпитале армии под командованием Михаила Васильевича Фрунзе они и познакомились. Там же и расписались, или, как тогда говорили, записались. После Первой мировой войны, перетекшей в Гражданскую, они вернулись в родные края и поселились в городе Станиславив, который в конце тридцатых новая власть переименовала в Ивано-Франковск. Всего у Фриды и Семы до Второй мировой войны родилось трое детей. Старший сын, Соломон Бланк, в тридцать пятом поступил в танковое училище, окончил его в сороковом и в сорок втором погиб под Сталинградом в звании старшего лейтенанта. Средняя дочка, Мара Бланк, с дедом и бабкой попала под оккупацию и погибла в Аушвице (Освенциме). А деда с бабкой шуцман положил очередью прямо на пороге их дома. А вот младший сын, Антон, сперва уехал вместе с мамой в Вологду, где формировался ее санитарный поезд, а затем всю войну путешествовал с нею от переднего края до Красноярска, куда Фрида сдавала выживших раненых, и обратно. Семен Бланк в это время служил главным терапевтом Свердловской области и доблестно сражался с пневмонией и дизентерией среди гражданских и военных лиц.

После войны Фрида и Семен поселились в Свердловске, где Антон окончил с отличием среднюю школу. Семен преподавал в мединституте, заведовал кафедрой инфекционных болезней, Фрида заведовала роддомом, а Антон поехал искать счастья в Москву, спрятав на груди золотую медаль и аттестат с отличием. Он с первого раза поступил в Первый медицинский, где однажды на первом курсе краем уха уловил, что лучше всех зарабатывают стоматологи, гинекологи и проктологи. Студенты шутили, что доходны лишь концы пищевой трубы, а серединка никому не нужна. В отношении гинекологов остряки добавляли, что все самое ценное в организме человека собралось в области малого таза. Жаль, что там зубов нет, а то был бы настоящий Клондайк!

Две кафедры сразу сказали Антону, что вакантных мест ординатуры и аспирантуры у них нет, а вот кафедра хирургии раскрыла объятия, предупредив, что после окончания института, возможно, придется уехать к черту на кулички и там спасать местное население скальпелем и эфиром – но это еще не скоро, годика через три-четыре. Антон, переживший бомбежки еще до восьми лет, ничего не боялся. Поэтому он принял решение непременно, еще до распределения, жениться на дочке завкафедрой хирургии Юлии Кочерлинской. Юля, не обладавшая

неотразимой внешностью, трезво оценившая свои возможности обольщения и влюбленная в выразительный орлиный профиль Антона Бланка, была не против. Папа Кочерлинский – профессор хирургии – решил, что зятю после окончания института нечего делать за полярным кругом, и взял его к себе на кафедру ассистентом с перспективой защиты. Правда, чтобы не возбуждать подозрений в кумовстве, места в аспирантуре для Антона не хватило. Защищаться ему пришлось бы как соискателю по достижении необходимого стажа.

Проктологией кафедра занималась постольку-поскольку, если появлялась возможность. Антон просил в приемном отделении базовой клиники передавать ему все геморрои и прочие беды «выхлопной трубы». Но большая часть нужных и, главное, полезных пациентов, даже появившись однажды, вдруг потом куда-то утекала из больницы. Стоило Антону выдать пациенту заключение «Наружный (или внутренний) геморрой. Кровотечение», как вожделенный кандидат на стол испарялся. Антон стал выяснять, куда же несут свои зады нужные ему люди, и узнал, что в одной небольшой районной больнице некий профессор Александр Наумович Ройтман создал зародыш будущего института проктологии и собирал в команду исключительно врачей-мужчин близкой ему национальности. Вот туда-то и уходили пациенты с геморроем разной степени зрелости.

Антон Бланк читал повесть Валентина Катаева «Сын полка» и помнил: для того, чтобы тебя взяли в большую и дружную семью, нужно командиру показаться. То есть «сирота» должен обаять начальника, чтобы он с первого взгляда полюбил новенького молодого врача. Бланк не решился сразу предстать пред очи Ройтмана, а провел предварительную разведку и узнал, что у того есть два обязательных требования к соискателям и одно необязательное. Во-первых, соискатель на место будущего сотрудника НИИ должен быть мужчиной, то есть не создавать проблем с беременностью и внезапно болеющими детьми, как это бывает у женщин; во-вторых, хорошо знать английский язык и, в-третьих, быть своим. Из этой обоймы у Бланка выпадал только язык, потому что идиш, которым владело больше половины сотрудников Ройтмана, не считался иностранным. Антон нанял репетитора и посвятил год ежедневному изучению английского, который знал лишь в школьном объеме. Это был верный ход. Придя к Ройтману, он подвергся небольшому допросу на английском, после чего профессор сказал:

– Хорошо. Стаж у тебя уже есть, язык более-менее знаешь, но мы еще поднатаскаем… Осталось научить тебя проктологии. Выбирай себе тему, но должен предупредить: мы тут на птичьих правах, потому в гастроэнтерологическом отделении ты будешь числиться терапевтом-гастроэнтерологом. А уже в свободное от работы по отделению время будешь мне ассистировать и дежурить по хирургии.

Ройтман любил – уже когда его команда переезжала в новенькое, еще недостроенное здание НИИ на берегу Москвы-реки – приговаривать, выставляя указательный палец правой руки: «Этот палец золотой. Я им институт построил!»

Создав же оный институт еще в небольшой больнице, Ройтман действительно именно благодаря своему пальцу «достал» у московского начальства участок земли на краю столицы. Он даже начал строительство нового суперсовременного института и въехал в готовый корпус, пока лишь единственный, но окончить строительства не успел, так как скоропостижно почил, то есть приказал всем своим ученикам долго жить. Ройтман оставил после себя российскую школу проктологии, свой портрет маслом кисти неизвестного художника в тяжелой золоченой раме и недостроенное здание института, как его называли в медицинской среде, «проблем дефекации». Новым директором НИИ после Ройтмана оказался назначен его зам по науке.

Бланк, к тому времени защитивший кандидатскую диссертацию, вместе с другими своими соплеменниками был весьма грубо изгнан из института директором с редкой в проктологической среде фамилией Сидоров. Ибо тот испытывал сильные антисемитские чувства к коллегам-проктологам и плевал на тщательно создаваемую «школу Ройтмана». Как ни стыдно, но сие – исторический факт и его надо признать. Как и то, что из-за действия этого советская

проктология понесла невосполнимую утрату, откатившись в разработках и открытиях на десяток лет от западных школ, которые смотрели не на графу «Национальность» в паспорте, а на знания и талант.

Бланк ушел из института с гордо поднятой головой, унося с собой звание кандидата медицинских наук, которое получил еще при жизни Ройтмана за весьма серьезную научную работу по изучению запорного механизма анального отверстия. Для этого он истратил много километров специальной мелкозернистой высокочувствительной пленки. Эту пленку ему добыли с каких-то секретных космических складов. Еще он уносил патент на особый унитаз со встроенной высокоскоростной кинокамерой, специально собранной на заводе «Кинап», и лампочками, освещавшими интимную зону. Уникальная камера имела широкоугольный макрообъектив, способный запечатлевать «процесс изгнания каловых масс», одновременно отмечая на пленке время для каждого этапа. Кроме звания кандидат медицинских наук и киноунитаза Бланк сумел умыкнуть еще и все пленки, включая неотснятые, а также портрет любимого учителя, который пылился в подвале НИИ и никому (по мнению нового директора) не был нужен. За унитаз совесть Антона Семеновича не грызла, ибо вся наука в СССР была общая, а значит, и приборы для нее тоже. На фаянсовое чудо кинотехники никто в освобожденном от команды Ройтмана НИИ не позарился, и его после списания завхоз отдал Бланку за формальные пятьдесят рублей с легким сердцем.

Через год, после беготни по участку в районной поликлинике кандидату меднаук Антону Семеновичу предложили занять пост заведующего терапевтическим отделением с гастроэнтерологическим уклоном в одной из крупных московских клиник. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», – гласит народная мудрость. Бланк ее оценил в полной мере. Изгнанные Сидоровым за пятую графу друзья-коллеги-проктологи, устроившись сами после «исхода», как между собой называли они массовое увольнение из недостроенного НИИ, поддержали всех, кто незаслуженно пострадал от самодурного директора-антисемита.

Так Антон Семенович занял вполне достойное место руководителя отделением терапии, давшее ему определенную свободу в выборе пациентов и непременный интерес к своей персоне у различных начальников средней руки, страдающих геморроем, но не доросших до обслуживания в Кремлевской больнице. Портрет учителя Бланк повесил на стену в своем кабинете рядом с портретами стремительно меняющегося руководства страны. Эти смены его не сильно беспокоили, ибо начальство меняется, а геморрой вечен. Причем не фигуральный геморрой, как синоним проблем на задницу, а вполне реальный, с багровыми кровоточащими узлами вокруг выхлопного отверстия прямой кишки. Бланк всегда очень благожелательно встречал различных товарищей руководителей, которые не могли или не хотели пользоваться услугами кремлевской медицины. Все-таки больное место такое пикантное, а Кремлевка – известное гнездо дятлов: покажешь на осмотре свое «дупло», и пойдут эти птицы своими большими носами настукивать в разных совсем не медицинских инстанциях, обсуждая твою деликатную болезнь, а это может непременно отразиться на репутации и карьере. Могут и отказать в продвижении по карьерной лестнице: скажут, мол, куда это ты с такой жопой да на высокую должность?! Не годишься! Ишь, как запустил… Доверь такому народное хозяйство – тоже запустит! А к Бланку ляжешь с гастритом, как в санаторий, но заодно, как бы незаметно, и от геморроя избавят. Тихо, деликатно, без лишнего шума. Справочку дадут, что в определенной части тела произведен «косметический ремонт», и никакого вреда для репутации. Выходит такой начальник с тюнингованным анусом и, ничего не опасаясь, ждет повышения по службе.

Бланк из большого уважения к важным пациентам всегда сам лично осматривал начальников, помня заповедь Ройтмана, выставлявшего указательный палец десницы: «Я, как царь Мидас, одним этим пальцем институт построил!» И это была чистая правда. Ройтман так умело вводил свой золотой палец в естественное отверстие большого начальства – видимо, зная, на какие кнопки там нажать, – что необходимые ему суммы выделялись без лишних уговоров и

объяснений. Бланк постиг эту науку в совершенстве и поступал точно так же. Ройтман тет-а-тет объяснял своим ученикам, что действие сие, ректальное исследование, имеет необычное свойство сближения с пациентом, и как результат – максимальное доверие к лекарю. А это доверие уже открывает и двери в высокие кабинеты, и кошельки.

Так больше десяти лет Антон Семенович руководил отделением и копил в своей записной книжке телефоны друзей, от чиновников разного масштаба до артистов различной популярности, пока не грянула перестройка. Многие его друзья и коллеги, соратники в деле борьбы с геморроем, начали частно практиковать, вставляя свои пальцы в… уже не бесплатно. Задумался и Бланк: как бы тоже реализовать свои возможности и связи? Облизнув палец, он принялся листать записную книжку, размышляя, кто из этого списка и чем может быть ему теперь особенно полезен?

Глава 3
«КиЛ» и ЭСХиЛЛ

Антону Семеновичу посоветовали обратиться к грамотному юристу. Наиболее грамотным в поле зрения Бланка оказался Александр Гарин, которого ему порекомендовал кто-то из пациентов. Юрист обозначил гонорар за консультацию и довольно быстро набросал варианты коммерциализации деятельности Бланка в условиях нарождающегося капитала и «нового мышления», которое активно проповедовало руководство страны, при этом толком так и не объяснив, а в чем же новизна этого мышления, кроме странного ударения. В словоблудии публикаций нового руководителя КПСС терялся здравый смысл. С развалом СССР все стало предельно ясно, когда в массы бросили всем понятные лозунги «Обогащайтесь!» и «Бери от жизни все!». Выяснилось, что те, кто мог и умел, давно это делали, не афишируя, а кто не мог, кому не позволяла совесть, тем никакие лозунги не помогли. Они погружались в трясину долгов и делались из бедных в лучшем случае нищими, а в худшем – мертвыми.

Бланку оставалось свершить главное: собрать команду молодых, энергичных, голодных и потому особенно не отягощенных коммунистической моралью врачей. Ну и еще найти стартовый капитал. Остальные юридические и экономические вопросы решались без труда, Гарин-старший частью их брал на себя, экономическую и внешнеторговую проблемы он тоже подсказал, как решить. Помимо обычного гонорара, за каждую решенную задачу Бланк всеравно остался обязанным Гарину-старшему. То есть так обязанным, что никакими гонорарами этого покрыть было невозможно. Именно в это время Гарин-младший с дипломом выпускника мединститута и интернатурой по анестезиологии метался по клиникам Москвы в поисках вакансии кардиолога, о которой мечтал после пятого курса. Перестройка открыла шлюзы частной практики, и многие анестезиологи пошли в частную практику, поэтому всем кадровикам хотелось получить в штат специалиста, и никому не был нужен недоученный кардиолог. Чтобы не терять врачебного стажа, Жора дежурил на скорой. Как он любил цитировать принца Флоризеля, работал, «но без всякого удовольствия».

Бланк по-прежнему вставлял свой палец в каждый анус большого начальства, имеющего доступ к государственным деньгам, в поисках необходимого стартового капитала, и однажды сделал это настолько удачно, что, фигурально выражаясь, извлек вместе с пальцем различное оборудование для хирургии, урологии и гинекологии на несколько десятков миллионов долларов. Самый подходящий для хранения импортного медицинского оборудования зад оказался у министра ореховой промышленности Михаила Наумовича Рудыго, который министром стал только после развала СССР. До этого момента он руководил управлением ореходобывающей отрасли, которое входило в состав ГУЛАГа, и имел звание генерал-майора ВВ. Новый министр, кроме огромного штата работников, миллионов гектаров кедровой тайги и приличной суммы оборотных денег, не имел ничего. Связан он был не с пищевой промышленностью, как могут подумать неискушенные читатели, а с оборонкой. Ведь мало кто знает, что масло кедровых орехов обладает уникальными свойствами и используется в ракетостроении, а из ореховой скорлупы делают какие-то особые звуко- и теплоизолирующие прокладки для боевых самолетов. Но это относится к государственной и военной тайне. Чищенные кедровые орехи продавались за валюту, на которую закупались уже редкие кешью и бразильские, без которых тоже, как оказалось, ракеты как надо лететь не могут. Вообще они летят, конечно, но как-то не так, как хотелось бы конструкторам. Новоявленный министр получил министерство и сотни тысяч работников-ореходобытчиков, бывших зэков и вольнонаемных, которых понадобилось как-то лечить от хронических профессиональных болезней. В основном у шишкарей была вибрационная болезнь, разбитые суставы рук и невриты, а попутно и масса других болезней. Бланк предложил для этого свою «клинику» – кооператив «КиЛ». Конечно, в

обмен на оборудование. Рудыго, после того как Бланк своим золотым пальцем «лишил его невинности», согласился на такой бартер, создав заодно и фонд социальной поддержки ореходобытчиков «Орешек», и «Орех-банк» с единственным представительством на Новом Арбате. Новые финансовые корзины должны были от имени Минорехпрома заключить необходимые договоры с клиникой Бланка и контролировать как переданные деньги, так и списание их по актам выполненных работ, для чего в клинике постоянно работал бухгалтер-аудитор от фонда «Орешек». Министерство Рудыго, ввиду того, что отменили монополию государства на внешнюю торговлю, вынуждено было создать массу коммерческих структур, вроде: «Орехи России», «Орехимпэкс», а также «К-К-К», «Эко-КГБ» (что означало: «Кедрач, Кокос, Кешью» и «Эко-Кокос, Грецкий орех и Бразильский орех» соответственно и никак не относилось к расовой сегрегации, зато благодаря созвучию непременно привлекало внимание к ореховому бизнесу). Через них из страны беспошлинно вывозились наши орехи, но ввозились импортные. Мировой оборот орехов нарастал, при этом Россия заметно наклоняла его в свою сторону, пока не встревожилась корпорация De-NUTS, управляемая семьей Оффеншпиллеров из Африки и Бразилии. Семья африкано-бразильских магнатов стала искать выходы на Рудыго, так, чтобы при этом не привлекать внимания финансовых и специальных служб. А тут случилась солидная закупка ореховым фондом медицинского оборудования, и сделка эта на миллионы долларов никак не могла пройти незамеченной для финансовых кругов Запада. Оставалось только найти лазейки к ореховому министру. А сделать это, не привлекая внимания спецслужб, непросто. В Крыму Рудыго купил участок южного берега Черного моря, на котором собирался высадить плантацию кокосовых пальм. С пальмамине задалось, кокосам что-то не понравилось, зато как-то незаметно выросла четырехэтажная дача Рудыго, по внешнему виду, интерьеру и площади не уступающая Ливадийскому и Воронцовскому дворцам и больше подходящая на роль санатория для орехового комсостава. Впрочем, Рудыго ее использовал в качестве дома приемов, приглашая туда важных людей для переговоров. Бывал там и Антон Семенович Бланк. Надо ли говорить, что разное начальство, включая всяких министров и их замов, еще сильнее зауважало Бланка и регулярно навещало его отделение, а затем и медцентр, чтобы подставить ему соответствующую часть тела для проверки – все ли там, в этой «темной пещере», в порядке?

Контейнеры с оборудованием прибыли в отделение Бланка в год окончательного развала СССР, и этот набор из уникальных приборов стал основой для самой первой частной клиники в обновленной России. Сперва они использовались на благо рядовых граждан – жителей и гостей столицы, однако, с развитием капиталистического движения стали работать исключительно для добывания денег Бланку и его команде. Малое предприятие «КиЛ», как и последующий «Медицинский центр ЭСХиЛЛ», уже через пару лет стали называть клиникой Бланка, а самого Антона Семеновича журналисты возвели в звание профессора. Бланк с этим спорить не стал. Ну, профессор так профессор. А получивший новое здание на окраине Москвы центр уже действительно превратился в двухсот—, а затем и трехсоткоечную больницу, аббревиатура названия которой не имела отношения ни к Древней Греции, ни к поэзии, а расшифровывалась как «Эндоскопическая хирургия и лазерное лечение». Антону Семеновичу Бланку удалось в очередной раз своим волшебным пальцем на этот раз извлечь из могучего ануса мэра столицы целый особняк бывшего НИИ «Ненужной промышленности» с характерной архитектурой времен застоя, то есть семиэтажный параллелепипед из стекла и бетона, куда кооператив «КиЛ» и переехал под конец своего существования, а умирая, приказал долго жить новорожденному «МПЦ ЭСХиЛЛ». Площадь новой добычи Бланка доводила его до головокружения: больше тридцати тысяч квадратных метров. И Антон Семенович уверовал в магическую силу своего указательного пальца окончательно. Дело оставалось теперь за обнаружением новой богатой задницы, но увы, все подходящие зады уже предпочитали лечиться за границей.

Глава 4
Маркетолог поневоле

Получив визитную карточку Бланка, Гарин задумался. Сам по себе этот звонок никого ни к чему не обязывал. Позвонить – не проблема. А что сказать?

«– Здрасьте, вам унитазы не нужны?

– Был нужен, да уже взяли…

– А может, и я на что сгожусь?

– Может, и сгодишься…»

– Если рот пошире открывать будешь, – вслух закончил Гарин воображаемый диалог. Этот анекдот на тему эпизода из фильма «Неуловимые мстители» приходил на память всякий раз, когда Жора пытался представить грядущий разговор с Бланком.

А какой он кардиолог? Год интернатуры у Марка – это не специальность. Это так, все равно как если просидеть год в кухне лучшего ресторана, наслаждаясь запахами и наблюдая, как работают профессиональные кулинары: так поваром не станешь. Будучи пассажиром, не научишься водить машину, сколько ни следи за шофером. Читатель не станет писателем, если сам писать не начнет… А что ему предложит проктолог Бланк? Черт возьми, какая вообще связь кардиологии с проктологией? Отец сказал, что Бланк создает частную клинику. И набирает салаг? Это невозможно. А может быть, не гадать, а взять, да и позвонить?

На дворе происходит черт-те что… ГКЧП провалился. Ельцин слез с танка.

Гарин и не собирался ехать к Белому дому, но совсем не потому, что мама запретила, а потому, что всей душой был на стороне взбунтовавшихся коммунистов. Мама Мария сидела целыми днями в обнимку с приемником «Сони» и слушала «Эхо Москвы», «Голос Америки» и «Радио Свобода», которые уже перестали глушить. Она была за демократического президента Ельцина.

– Как хорошо, что дед не дожил до этого позора, – сказал отец, глядя, как на экране вице-президент СССР Янаев дрожащими руками вытирает нос. – Он всегда говорил: «Взял пистолет – стреляй. Или не бери…»

– Саша, что ты говоришь? – ужаснулась мама.

– Что вижу, – мрачно ответил отец. – Ельцину Союз не нужен. Он его не удержит, даже, вероятнее всего, развалит. Помяните мои слова, в следующем году СССР уже не будет.

– А что же будет? – удивился Жора.

– Не знаю, союзные республики отвалятся точно. Может быть, останется тройственный союз: Россия, Украина, Беларусь.

– А Казахстан?

Отец помотал головой.

– Назарбаев с Ельциным не станет объединяться, они оба удельные князья. Боюсь, что татары и Кавказ тоже отвалятся, затем Урал и Сибирь с Дальним Востоком, распадется на Бурятию, Якутию и Туву…

– Но зачем?

– Не зачем, а почему. – Отец налил себе водки. – Потому что в Конституции записано право наций на самоопределение. Эти козлы, – кивнул он на ГКЧП, вещавший с экрана, – власть не удержали, они дискредитировали партию. А это был единственный стержень, объединяющий народы. Когда исчезает интернационализм, расцветает нацизм. Они убили надежду, лишили общество цели.

Через пару дней после этого разговора отец принес большой оружейный ящик-сейф, а спустя еще месяц поставил в него два помповых ружья, карабин «Сайга» и несколько коробок патронов с картечью на крупного зверя.

– Мой дом – моя крепость, – сказал Гарин-старший. – Нас обворовало государство, – продолжил он, имея в виду реформу Павлова, – но мы не можем позволить обворовывать нас и бандитам. Сын, я предлагаю продать дачу. Мы не спасем эту рухлядь. Впрочем, – задумался он, – мы не будем ее продавать. Лучше я ее застрахую.

– Где? – удивился Жора.

– У Ллойда. Я им недавно помогал открывать московское представительство. Застрахую дачу на миллион долларов. Шучу, – добавил отец, увидав круглые глаза сына. – Тысяч на сто фунтов. В общем, я займусь этим делом.

– А где ты теперь работаешь?

– Создаю адвокатскую контору «Гарин и сын»! – рассмеялся отец.

– Опять шутишь?

– Отнюдь. Я серьезен как никогда. У нас с тобой по тридцать пять процентов участия, остальные у двух моих коллег – младших партнеров. Сейчас раздолье для юристов. Суды завалены делами. Ты позвонил Бланку?

– Нет еще, я ж сегодня с суток. Завтра позвоню.

– Давай.

Отец действительно занялся страховкой древнего «особняка», вызвал экспертов-оценщиков… Гарину до этого не было дела. Он жалел библиотеку деда, однако вывозить ее было некуда.

Проснувшись утром следующего дня, Жора позавтракал, исполнил ежедневный тренировочный ритуал продолжительностью в час и взял со стола визитку Бланка. Тот снял трубку сразу. Жора представился.

– А, помню-помню. Отец твой говорил. Давай приезжай. Познакомимся. – Бланк выпалил все это за секунду. – Адрес на визитке есть. Жду к полудню. Раньше не надо, у меня обход.

Гарин сказал:

– Спасибо, я приеду, – и положил трубку. Даже по телефону он ощутил бешеную энергию Антона Семеновича.

Без десяти двенадцать Гарин запарковал «Победу» рядом с больницей, где работал завотделением Бланк. В холле Жора натянул халат и прошел мимо вахтера, которому до врача или студента не было дела – он не пропускал к больным наглых родственников.

На посту Жора спросил у медсестры, где кабинет заведующего. Она показала:

– Там. На двери бронзовая табличка.

Она не шутила. На обитой дерматином двери была укреплена бронзовая с чернением табличка с каллиграфической гравировкой «Бланк Антон Семенович, к. м. н.». Похожие можно было увидеть в начале двадцатого века на дверях квартир в старой Москве и в Ленинграде.

Гарин почти неслышно постучал в дерматин, сообразил, что вата глушит, и стукнул в табличку.

– Входите! Открыто!

Кабинет был что надо: с персональным санузлом, кушеткой для осмотра, огромным двухтумбовым столом, на котором красовались три телефонных аппарата с гербами на дисках – правительственная связь. Гарин знал, что в таких аппаратах есть защита от прослушивания. В шкафу за спиной хозяина кабинета стояли многочисленные цветные и черно-белые фотографии в рамках, а на стенах развешаны дипломы и грамоты. Над головой – портрет президента России, в углу в подставке – небольшой флаг-триколор, среди грамот – алый вымпел с Лениным, «Ударник коммунистического труда».

Навстречу Гарину поднялся мужчина в ослепительно-белом накрахмаленном халате и в высоком колпаке, из-под которого выбивались седоватые вьющиеся волосы.

– Я Гарин, – представился Жора. – Вы мне назначили на двенадцать.

Разговор получился быстрый и странный, будто все уже было заранее решено. Антон Семенович оглядел Гарина, словно сфотографировал.

– Отец твой сказал, ты знаешь английский и французский? – первым делом спросил он.

– Немного знаю, – не стал отрицать Жора.

– Betty Botta bought some butter; «But,» said she, «this butter's bitter!» – процитировал скороговорку Бланк. – Как там дальше?

Жора на автомате, словно под гипнозом, продолжил:

«If I put it in my batter
It will make my batter bitter.
But a bit o' better butter
Will but make my batter better.»
Then she bought a bit o' butter
Better than the bitter butter,
Made her bitter batter better.
So' twas better Betty Botta
Bought a bit o' better butter.

Эту скороговорку они часто читали с дедом Руди, отрабатывая произношение.

– Значит, немного? – прищурился Антон Семенович. – Скромняга. Приходи ко мне работать. Французский тоже также – немного?

– Oui, très mal… Вы возьмете меня врачом?

– Нет, какой ты врач? У меня ты будешь заниматься рекламой. А медицинское образование поможет правильно ее ориентировать.

– Я врач, – напомнил Гарин. – И хочу в кардиологии работать.

– Да какой ты врач? Сам посуди! Стажа и опыта нет, а скорая – это не врачи, – махнул рукой Бланк. – Мне нужен хороший рекламщик. Я тебя учиться пошлю. На месяц, при телецентре курсы открыли по рекламе. Я оплачу, и тебе зарплата будет две тысячи. Согласен? Мне сейчас дом дают, бывший НИИ, там будем медицинский центр создавать. Может, и кардиологию откроем, а пока нужна реклама до зарезу! Ну что?

Это было словно наваждение. Гарин уже готов был согласиться, но вдруг защекотало в носу, и он чихнул. С чихом в голове прояснилось, он снова стал самим собой и спросил:

– Я могу подумать?

Бланк посмотрел удивленно, будто впервые увидел.

– А тебе нужно подумать? – перепросил он с обидой в голосе. – Я полагал, тут все ясно.

– Вообще-то, – упрямо повторил Гарин, – я ищу место кардиолога. Отец сказал, будто у вас оно может быть через какое-то время. А выходит, я напрасно съездил. Извините, я не планировал заниматься рекламой.

Бланк выскочил из-за стола. Видно было, что Жора ему понравился по всем статьям.

– Да погоди ты, чудак-человек! Мы же затеваем грандиозный проект, у нас будет огромная клиника, и там наверняка мы откроем кардиологию! Вот специально для тебя и откроем! Но не сейчас, понимаешь? Сейчас пока готовы только три направления: хирургия, урология и гинекология. Мы делаем уникальные операции, без разрезов! Понимаешь? Пока это наш предел, на этот год. Ну, еще мы откроем поликлиническое отделение и терапию для всякого-разного. Там тридцать тысяч квадратов! Мы все что угодно сможем там открыть! Мне денег дают миллионы долларов… вот просто так. Понимаешь? Десятки миллионов долларов. Это правда! Мы договор с одним ведомством заключили. Им нужна медицина, клиника, а денег у них – куры не клюют, как леса в тайге. А с тобой мы горы свернем, не то что кардиологию открыть… Только помоги мне сейчас с рекламой!

Бланка явно несло, как Остапа Бендера. И Гарин сломался. Как он себя потом ругал! А если бы тогда отказал? Жалел бы? Может быть. Этого теперь не узнать.

Через пару дней Жора принес Бланку трудовую книжку, в которой после записи: «ССиНМП г. Москвы. Линейный врач» появилась запись: «МП „Консультации и лечение“. Заведующий отделом маркетинга и рекламы». Бланк не обманул его, Гарин действительно поехал в Останкино, и там его приняли на курсы маркетинга, где обучали, как надо продавать товар, как привлекать покупателя. В конце курса он сдал зачет наравне с другими курсантами. И на разных каналах появился его ролик на пятнадцать секунд:

«– Тук-тук!

– Кто там?

– Сюртук!»

Счастливая семья из четырех человек хором объявляла: «Мы одеваемся в магазинах одежды для всей семьи „Сюртук“!»

На фоне дебильной рекламы фирм, торгующих бытовой техникой, СЭЛДОМ или «Партия» его ролик действительно стимулировал желание зайти в магазины торговой фирмы «Сюртук». Сюжет этот, написанный Гариным и реализованный каким-то режиссером, несколько лет вертели на ТВ. Георгий же не получил за него ни копейки. Потому что, по условиям договора на обучение, авторские права на креативные работы курсантов получала компания, устроившая курсы. Гарин немного жалел лишь об одном, что ничем не мог подтвердить свое авторство этого ролика.

Бланк не врал. Он вообще никогда не обманывал – только, к сожалению, не все, что он замышлял и представлял как реальность, ему удавалось. Он действительно собрал команду из десятка молодых врачей с разных кафедр, проработал план совершенно новых методик лечения и операций, в основном эндоскопических и бескровных. За особняк бывшего НИИ пришлось побороться с прежними владельцами. Бланк это дело поручил Гарину-старшему. Тот договорился с охранной фирмой «Герат». Бывшие офицеры-«афганцы» оперативно перекрыли все входы, поставили на проходной вооруженных парней в камуфляже. Даже помогли прежним хозяевам вынести оборудование, подписав документы, что оставленная в здании рухлядь им не нужна. Здание требовало ремонта, потому что, съезжая, обиженные проектировщики унесли все, что могли, свинтили розетки и выключатели, а кое-где даже попытались отодрать линолеум с пола. Бланк не вмешивался в подготовку здания. Он съездил туда два раза и указал, где должна быть администрация, где отделения, а где нужно организовать стоянку автомобилей для сотрудников и посетителей. Если бы не жадность человеческая и зависть, команде Бланка не пришлось бы переезжать в срочном порядке в недоделанные помещения. Зарабатывая в государственной больнице, они могли бы спокойно подготовить новое здание, потом так же спокойно переехать.

Чтобы официально проводить получаемые за операции деньги, Гарин-старший разработал специальную систему договоров: трудовых – с сотрудниками больницы, где заведовал отделением Бланк, и аренды служебных помещений – палат, операционных и перевязочных. Кроме этих расходов, Бланк был вынужден принять на должность «консультанта» главного врача больницы, его замов и главбуха. И всем, естественно, платить. За что? За хорошее отношение. Которое, чем активнее и лучше шла работа малого предприятия Бланка, становилось, все хуже. Команда главного врача, которую иначе как паразитами Бланк не называл, каждый месяц требовала добавки к зарплате. Зажатый обстоятельствами, Антон Семенович платил. Когда же до паразитов дошли вести о готовящемся переезде, они потеряли все рамки приличия, или, как стали говорить новые бизнесмены на блатной манер, «рамцы попутали». Бланк старался все свести к мирным переговорам, накрыл стол в «Праге», куда позвал «банду» главного врача. Обещал подкинуть денег, если ему дадут еще пару помещений и не станут мешать. Но паразиты настаивали, что Бланк должен их поставить в своей нарождающейся клинике на

ключевые должности, иначе отберут и то, что раньше дали, и вообще запретят платные услуги! Сдерживая ярость, на следующий день Бланк дал команду: «Мы немедленно переезжаем! Срок на сборы – неделя!». Главный врач попытался помешать вывозу оборудования, которое Бланк получил от Минорехпрома, но министр Рудыго прислал своих юристов с официальными документами, а те проконтролировали вывоз всего, что не стояло на балансе больницы и числилось в договорах аренды с МП «КиЛ». Два длиннющих КамАЗа погрузились за полдня, и к вечеру грузчики, нанятые Гариным-отцом, уже выгружали специальные столы, электронно-оптические преобразователи и телевизионные стойки для «операций без разреза» в здании бывшего НИИ. На организацию и отмывку палат, трех операционных и перевязочных ушло две недели. Жадное и недальновидное больничное начальство в один день лишилось полусотни сотрудников и целого отделения, а также денег, которые Бланк этому начальству платил.

В новом здании можно было заблудиться: семь этажей и длинные коридоры со светлыми комнатами и залами, где когда-то стояли станки опытного производства и располагались конструкторы с кульманами. Новое правительство под руководством свиноподобного премьера росчерком пера уничтожало российское производство, объясняя свои решения просто: «Все, что нам будет нужно, мы теперь купим за границей!» При всем изобилии сразу пригодных для работы помещений оказалось совсем немного. Бывшее малое предприятие, а ныне акционерное общество закрытого типа – АОЗТ, – сперва заняло пару этажей, и то не полностью, отгородившись от разрушенных залов, перегородками из полиэтилена. Месяц ушел на косметический ремонт и развертывание операционных и палат. Все это время врачи принимали пациентов, отправляли на сдачу анализов и составляли планы операций в трех подходящих кабинетах на первом этаже. Гарин-старший подводил Бланка к пониманию необходимости взять кредиты на ремонт хотя бы половины здания и расширение спектра медицинских услуг. Бланк сопротивлялся и пребывал в состоянии перманентного ужаса от осознания, в какую бездну погрузил себя и свою команду. Первым делом отремонтировали кабинет хозяина, и на дверь Антон Семенович собственноручно привинтил все ту же бронзовую табличку. В новом помещении он развесил фотографии нужных людей, дипломы и грамоты, среди которых повис вымпел «Ударник коммунистического труда» с профилем Ленина. Кабинет Бланк сделал из небольшого конструкторского зала, потому появилось место и для портрета Ройтмана, на котором задумчивый покойный учитель Антон Семеновича, зажав в пальцах дымящуюся трубку а-ля И. В. Сталин, смотрел из-под седых косматых бровей в далекое будущее советской проктологии, и на пути к которому оказался портрет первого президента Российской Федерации с характерным выражением: «Вот такая, панимаишь, загогулина».

Гарин, закрывавший рекламный фронт в одиночку, поселился в небольшой комнатке позади кабинета Бланка. Во времена НИИ это была кладовка с небольшим окном, где конструкторы хранили всякие нужные вещички. Для работы Жора выпросил себе новейшую 486-ю ай-би-эмку с плоским монитором семнадцать дюймов супер-VGA, лазерным принтером и сканером. На компьютере он самостоятельно изготавливал оригинал-макеты рекламных объявлений для газет и журналов. А так как эта машина была самым мощным компьютером в центре ЭСХиЛЛ, его атаковали не занятые работой врачи-игроманы, обожавшие гонять «Детрак» или «Копье судьбы». Гарин их гнал, но когда его не было в центре, рабочий компьютер превращался в игровой. Смена замков в кабинете Гарина ничего не решала, потому что по правилам противопожарной безопасности дубликат ключа должен был висеть у секретаря, которая не могла устоять перед обаянием и шоколадками коварных игроманов. Гарин перед началом работы всякий раз с замиранием сердца обязательно прогонял последние версии программы «Эйдстест» и других антивирусников в поисках зловредной инфекции, которая в ответ на чистку могла отформатировать винчестер вместе со всеми документами и эскизами. На утренних конференциях Гарин требовал оставить его компьютер в покое, потому что в нем кроме программ для рекламного дизайна хранятся еще и важные договоры с различными

СМИ, включая телевизионные каналы, и рекламными агентствами, которые вырастали и лопались, как грибы-дождевики. Уговоры не работали до тех пор, пока Бланк, накопивший уже немного денег, не пообещал оснастить персональными компьютерами все отделения и всех врачей.

Насмотревшись на солидных клиентов, которые приходили к нему с охраной и чемоданчиком мобильного телефона, Бланк купил себе похожий на небольшой кирпич мобильный телефон «Моторола». Он, как ребенок, звонил из разных районов Москвы или страны, куда его заносили работа и встречи с нужными людьми, и проверял качество связи. Через месяц Бланк сменил «Московскую сотовую» на «Билайн», а «Моторолу» на «Сони», потом на «Нокию» и, наконец, на «Верту» в позолоченном корпусе. Более экономные врачи пока ограничивались пейджерами, за обслуживание которых пейджинговые компании вытягивали доллары.

Еще до переезда Жора привел к Бланку Марка Бардина на должность заместителя по лечебной работе. Бланк, который разрывался тогда между отделением, малым предприятием, ореховым министром и домашними проблемами, признал эту мысль единственно верной. Как и то, что на эту работу нужен человек со стороны, чтобы внутри коллектива не возникало раздрая и слухов, будто у Бланка есть любимчики. Обиженный на своего главного врача Марк после знакомства с Бланком перевелся к нему мгновенно. Георгий понимал, что обиделся Марк на главнюка совсем не из-за Гарина, которому отказали в ставке кардиолога. Дело в том, что Бардин, как истинный врач-фанатик, мечтал создать в кардиологии операционную по ангиопластике больным, поступающим в приступе стенокардии. Он договорился с рентгенологами, о передаче ему списанного ЭОПа ARCA. Нашел умельца электронщика, который ему отремонтировал приемную трубку. В НИИ при заводе ЗИЛ нашел спецов, которые взялись заменить металлическую поверхность стола с небольшим окошком для снимков на сплошную рентген-проницаемую плиту. На все это Марк потратил деньги из своих запасов. Мира Израилевна ему не мешала. Замглавного по терапии благословил энтузиаста на эксперимент, оправдываясь, что победителей не судят, а однажды созданное ломать себе дороже и никто уже не станет. Но мир не без добрых людей. Бардин затеял ремонт в холле, примыкающем к БИТу, чтобы отгородить в нем пространство для рентген-операционной. Конечно, с нарушением некоторых санитарных норм. Где бы он взял свинцовые пластины для отделки стен, пола и потолка? Марк хотел начать и доказать необходимость развития в новом направлении, а потом уже заручиться поддержкой главного кардиолога Москвы Юренева, выбить деньги на создание нового отделения ангиокардиологии и там уже сделать все по правилам. Ведь сейчас передвижные ЭОПы и рентен-аппараты «Арман» применяют в отделениях и палатах без всякой защиты! Марк предполагал, что ARCA будет использоваться не чаще раза в неделю, а это ерунда. Главный врач устроил тотальный обход своих владений, увидал недоделанную установку, пахнувшие краской стены будущей операционной и категорически запретил все это. Как он узнал? Вместо Гарина в БИТ пришла работать какая-то дальняя родственница главного из Махачкалы. Нужна ей была не столько кардиология, сколько московская прописка и квартира, которую она, как врач, рассчитывала получить уже через год и переехать из общежития. Она-то и докладывала вечерами в интимной обстановке главному о бурной деятельности Бардина. Гарин об этой драматичной истории крушения надежд Марка не знал. Он, видя муки Антона Семеновича, просто сел в «Победу» и посреди рабочего дня навестил учителя и друга. Тот как раз закончил утренний обход и собирался писать дневники в истории больных. Жора поздоровался с двумя студентами и предложил Марку поговорить тет-а-тет. Бардин повелел студентам записать дневники осмотров на отдельных листочках.

– Приду, проверю, – сказал он и удалился с Гариным на улицу.

Жора рассказал о МП «КиЛ», о Бланке, о том, что идет ремонт в выделенном здании, и о том, что это шанс, только нужно познакомиться с Бланком лично. Если Марк готов, то Жора его прямо сейчас отвезет на беседу и вернет на место после нее. Марк, в сердце которого

горела обида на главнюка, вернулся в ординаторскую, повесил фонендоскоп на крючок и сказал студентам:

– Я отъеду на пару часов. Дневники покажете доценту Вылковисскому, он подпишет. Назначения все без изменений. Если новый больной поступать будет, зовите доцента.

Гарин удивился.

– Ты не боишься вот так, посреди дежурства? Я ведь в шутку предложил прямо сейчас, – решил он исправить ситуацию. – Могу завтра тебя отвезти.

– Нет, – решительно ответил Марк, – едем сейчас. Меня уже достал наш Навуходоносор.

Гарин помнил, что кличка эта давно ходила за главнюком.

– А кто в роли Амана? – блеснул знанием истории еврейского народа Жора.

– Да есть одна, некая Мадина Исмаиловна… – с раздражением сказал Марк, усаживаясь в «Победу». – Только Аман был не у Навуходоносора, а у Артаксеркса в Персии.

В машину Гарина Марк сел впервые. Он оглядел диваны, салон и произнес не без зависти.

– Классная тачка! Все родное?

– Нет, – ответил Гарин, – родной только кузов, а мотор от «Мерина», трансмиссия и подвеска от «Ситроена». Дедово наследство.

– Это сильно. Раритет! Поехали!

Бланк знал, что Гарин должен привезти ему кандидата в заместители. Разговор с Марком прошел примерно так же, как и с Гариным несколько месяцев назад. Антон Семенович выкатил глаз, «фотографируя» Бардина. Жора оставил их наедине. Через пятнадцать минут Бланк вывел Марка и показал ему отделение и помещения, арендованные малым предприятием, а после экскурсии вызвал Гарина.

– Забирай своего друга. Отличный спец. Жду вас, – пожал он руку Марку.

– Когда к нам перейдешь? – спросил в машине Жора.

– Заявление я написал, и Антон Семенович его визировал. Запланировали, что с понедельника, но, боюсь, главнюк потребует две недели отработать. Я предупредил. Бланк согласился подождать.

Главнюк не потребовал. Так Марк через три дня официально занял должность врача-ординатора в отделении Бланка и главного врача в его же малом предприятии. Он легко принял на себя все заботы Антона Семеновича по лечебной работе, и тот погрузился в организационные проблемы, ежедневно совершая очень важные визиты.

Потом состоялся уже описанный переезд. Марк теперь был занят еще и ремонтом отделений, закупкой коек, белья, организацией аптечного склада и отдела аналитики лекарств, оформлял договоры с милицией по охране сейфа с наркотиками и сильнодействующими веществами. Жора его не беспокоил. Бланк выделил Марку кабинет чуть поменьше своего.

В медцентре в первые дни начавшегося ремонта появился зам по хозяйству Эдуард Аркадьевич Гешефтер, который исполнял эту же должность в здании во времена НИИ. Он пришел к Бланку, выложил поэтажный план здания с вентиляцией, электрикой и сантехникой и просто сказал:

– Я ваш зам по хозяйственной части, потому что лучше меня хозяйство этого дома не знает никто. Берите, не пожалеете.

Бланк тут же взял его на работу.

Глава 5
Финансовый монтаж, или «Будет вам на орехи»

Как-то вечером в конце девяносто второго года, заканчивая запланированную на день работу, Гарин через дверь услышал, как Бланк общается по громкой связи с Рудыго. Обычно это случалось, когда Антон Семенович собирался ехать домой, бегал по кабинету и, не имея возможности держать трубку около уха, включал на аппарате динамик.

Рудыго, как обычно, грохотал своим министерским басом:

– Антон, я тут встретился с одним деятелем из Швейцарии. Тебе надо с ним тоже познакомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.